

Котов Петр Павлович

НАТУРАЛЬНЫЕ ПОВИННОСТИ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

В статье выявляется значение натуральных повинностей в жизни удельных крестьян Европейского Севера России. Основное внимание акцентируется на структуре этих повинностей, оценке их объемов и тяжести. Показана технология распределения работ и роль крестьянской общины в их выполнении.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. I. С. 108-112. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. **Вероисповедная политика Российского государства** / отв. ред. М. О. Шахов. М.: РАГС, 2005. 207 с.
7. **Вишнякова И. Н.** Конституционно-правовое регулирование свободы вероисповедания: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2000. 21 с.
8. **Воробьев В., Данилин А., Михайлов М.** Некоторые вопросы ответственности за нарушение закона об отделении церкви от государства и школы и школы от церкви // Советская юстиция. 1971. № 22. С. 14-15.
9. **Гордиенко Н. С.** Основы научного атеизма. М.: Просвещение, 1999. 304 с.
10. **История и теория атеизма.** М.: Мысль, 1987. 457 с.
11. **Кириченко М. Г.** Свобода совести в СССР. М.: Юридическая литература, 1985. 198 с.
12. **Клочков В. В.** Ответственность за нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви // Вопросы борьбы с преступностью. 1975. № 22. С. 66-83.
13. **Костюк К. Н.** Возникновение социальной доктрины Русской Православной Церкви // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 120-123.
14. **Лауринйтис Ф. К.** Государственно-правовое регулирование свободы совести в СССР (на материалах Литовской ССР): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Киев, 1984. 21 с.
15. **Мальшев М. Л.** Основы социальной концепции РПЦ: к вопросу об отражении политической позиции Русской Православной Церкви в постсоветской России [Электронный ресурс]. URL: <http://hghltd.yandex.net>
16. **Маслова И. И.** Вероисповедная политика в СССР: поворот курса: 1985-1991 гг. М.: МНЭПУ, 2005. 239 с.
17. **Мирошникова Е. М.** Кооперационная модель как средство оптимизации российской государственной политики в области свободы совести // Десять лет по пути свободы совести: проблемы реализации конституционного права на свободу совести и деятельности религиозных объединений: материалы научно-практического семинара / под ред. А. В. Пчелинцева и Т. В. Томасовой. М.: Институт религии и права, 2002. С. 31-36.
18. **Одинцов М. И.** Вероисповедные реформы в Советском Союзе и в России: 1985-1997 гг. М.: Российское объединение исследователей религии, 2010. 444 с.
19. **Осин И. В.** Свобода совести как субъективное право // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 23. С. 26-28.
20. **Панкратов И. Е.** Церковь и государство в социальной доктрине Русской Православной Церкви // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. 2002. № 1. С. 147-150.
21. **Персиц М. М.** Отделение церкви от государства и школы от церкви в СССР: 1917-1919 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 198 с.
22. **Розенбаум Ю. А.** Отделение церкви от государства в СССР // Советское государство и право. 1972. № 3. С. 56-64.
23. **Рудинский Ф. М.** Свобода совести в СССР. М.: Госюриздат, 1961. 87 с.
24. **Ружелите О. С.** Отрицание свободы совести в буржуазных странах. М.: Юридическая литература, 1964. 125 с.
25. **Савельев В. Н.** Свобода совести: история и теория. М.: Высшая школа, 1991. 143 с.
26. **Фарбер И. Е.** Свобода и права человека в Советском государстве. Саратов: СГУ, 1974. 187 с.
27. **Черемных Г. Г.** Свобода совести в Российской Федерации. М.: Манускрипт, 1996. 184 с.

FREEDOM OF CONSCIOUSNESS AND FREEDOM OF RELIGION: TO THE QUESTION ABOUT TERMS

Larisa Aleksandrovna Koroleva, Doctor in History, Professor
Department of History
Penza State University of Architecture and Building
la-koro@yandex.ru

Oleg Vladimirovich Mel'nichenko
Apparat of the Authorized Representative of the President of the Russian Federation in Volga Federal District
dnskvale@rambler.ru

The authors analyze the content and correlation of the definitions "freedom of consciousness" and "freedom of religion" in soviet and post-soviet historiography.

Key words and phrases: freedom of consciousness; freedom of religion; native historiography.

УДК 94:336.221"1797/1863"(470.1-22)

В статье выявляется значение натуральных повинностей в жизни удельных крестьян Европейского Севера России. Основное внимание акцентируется на структуре этих повинностей, оценке их объемов и тяжести. Показана технология распределения работ и роль крестьянской общины в их выполнении.

Ключевые слова и фразы: удельные крестьяне; натуральные повинности; структура повинностей; дорожная повинность; общественная запашка; объемы и оценка работ.

Петр Павлович Котов, к.и.н., доцент
Кафедра истории России, этнографии и археологии
Сыктывкарский государственный университет
kotovpetr55@mail.ru

НАТУРАЛЬНЫЕ ПОВИННОСТИ УДЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ©

Одним из основных вопросов при изучении история крестьянства периода феодализма является вопрос о податях и повинностях. Механизм и уровень эксплуатации в государственной и помещичьей деревне России нашли отражение в трудах советских историков. Однако эта тема, за редким исключением, в последние

десятилетия вышла из поля зрения исследователей. Менее разработанной всегда оставалась проблема налогообложения в отношении удельных крестьян России и, особенно, в отношении удельных крестьян Северного региона. Между тем, существуют довольно многочисленные опубликованные и архивные документы, позволяющие проанализировать данную проблему. Материалы Первого и Второго Полного собрания законов Российской империи и «Свода удельных постановлений» позволяют выявить перечень натуральных повинностей, которые выполняли удельные крестьяне, в том числе и на Европейском Севере России. Архивные источники позволяют конкретизировать намерения законодателя, проследить размеры натуральных повинностей, способы их отправления и ряд других важных аспектов проблемы. Эти источники выявлены в фонде Департамента уделов Российского государственного исторического архива (РГИА) и в фондах Государственных архивов Архангельской (ГААО) и Вологодской областей (ГАВО). Архивные документы с достаточной степенью достоверности позволяют раскрыть практическое осуществление податной политики в северной удельной деревне.

По указу Павла I от 5 апреля 1797 г. в 36 губерниях страны была образована новая категория податного населения - удельные крестьяне. Они призваны были обеспечивать средствами младших членов императорской семьи. Удельные владения на Европейском Севере располагались в основном в южной части Архангельской губернии и на севере центральной части Вологодской губернии. В Архангельской губернии в конце XVIII в. насчитывалось 40288 ревизских душ обоего пола (далее - д. об. п.) удельных крестьян, по X ревизии (1858 г.) - 51695 душ, в Вологодской, соответственно - 48709 и 80203 д. об. п. Среди населения Архангельской губернии доля «удельных поселян» за указанный период снизилась с 21,4% до 19,4%, тогда как в Вологодской - увеличилась с 8,0% до 8,7% [10, с. 10; 14, д. 2267].

Для управления удельными имениями России был создан Департамент уделов, который с 1826 г. входил в состав министерства Императорского двора и уделов. На местах в 1797-1798 гг. были образованы 9 удельных экспедиций. В Архангельскую удельную экспедицию вошли все бывшие дворцовые волости Европейского Севера России. По новому «Положению о Департаменте уделов» 1808 г. на Севере были созданы Архангельская и Вологодская удельные конторы (имения), объединенные в 1858 г. в Вельскую контору. Территории удельных экспедиций, впоследствии имений, делились на приказы и отделения, которые управлялись на правах крестьянского самоуправления. Архангельская экспедиция подразделялась на 14 приказов. После 1808 г. в Архангельском имении насчитывалось 6 приказов, в Вологодском - 7 приказов и 2 отделения. Все они после 1858 г. были объединены в границах Вельской конторы. Приказы и отделения, в свою очередь, состояли из волостей и сельских обществ, которые функционировали как сложные общины [10, с. 6-8; 14, д. 180].

Как и крестьяне других категорий, удельные «поселяне» Севера кроме выплаты ряда денежных податей обязаны были выполнять многочисленные натуральные повинности, прежде всего, земские повинности. Часть из них устанавливалась в общегосударственном масштабе - так называемые общие земские повинности, другая часть назначалась местными органами власти - частные земские повинности. Представляется, что четко их разделить не могли не только крестьяне, но и сами чиновники.

Среди земских повинностей на первое место выходила дорожная повинность. Крестьяне должны были на выделенном участке расчищать лес по сторонам дороги, мостить гати, строить и ремонтировать мосты, содержать перевозки, заблаговременно готовить для этого лес, песок, щебень и выполнять все прочие работы для поддержания дорог в хорошем состоянии.

Все эти работы удельные крестьяне Севера выполняли на государственных Петербургском и Московском трактах, на губернских Устюжском, Вельском и Тотемском трактах и на местных дорогах между приказами, волостями и селениями. В 1834 г. на общегосударственных дорогах удельные крестьяне Архангельской губернии отработали 70617 пеших и 8743 «конных» дня, в 1844 г. - 50710 пеших и 11808 «конных» дня. Основные работы они производили на Московском шоссе, где в 1844 г. трудились 42070 пеших и 8743 «конных» дня, тогда как на Петербургском тракте - 8640 пеших и 3065 «конных» дня [3, д. 399, л. 7 об. - 17; 12, д. 526, л. 10 об. - 11]. Выполнение повинности на государственных и губернских дорогах требовали от крестьян больше рабочего времени, чем на местных дорогах. В начале 1850-х годов на выполнение дорожной повинности удельные крестьяне Вологодской губернии затрачивали 54 369 пеших и 40 607 «конных» дней, из них на местные дороги приходилось 14 173 пеших (26%) и 8005 «конных» (20%) дня [3, д. 657, л. 25- 27; 5, д. 1245, л. 22 об. - 23].

Эти примеры можно продолжить, но они не дадут полного представления о тяжести дорожной повинности. В одни годы работы на дорогах было больше, в другие - меньше. Кроме того, объемы работ могли «маскироваться», ведь часть из них выполнялась наймом, т.е. за счет дополнительных денежных сборов между крестьянами. В разные годы соотношение между наймом и отработкой отличалось, как и отличалось оно по разным селениям и волостям. Так, в 1830-1840-х годах отправление дорожной повинности в Архангельской конторе происходило на больших трактах только натурой, на проселочных - наймом, в 1850-х годах - на основных дорогах лето - обычно натурой, зимой - наймом. Хотя в некоторых приказах крестьяне и зимой предпочитали сами отрабатывать. На местных дорогах в 1850-х годах все крестьяне Архангельской конторы по-прежнему использовали наемных работников [3, д. 399, л. 7 об. - 17; 12, д. 526, л. 16; 21, д. 647, л. 4-16]. В Вологодской удельной конторе основная часть дорожной повинности производилась натурой [12, д. 647, л. 20-27]. Но и здесь наблюдались исключения. Крестьяне Ракуло-Кокшенской волости Устьвельского приказа выполняли дорожную повинность на больших трактах «наймом сторонних лиц», на проселочных - натурой, тогда как остальные крестьяне этого приказа на всех дорогах - натурой [6, д. 263, л. 44].

Вероятно, более полное представление об объемах дорожной повинности дадут сведения о протяженности дорог, которые должны были поддерживать в хорошем состоянии удельные крестьяне Европейского Севера. На удельных крестьянах Архангельской губернии лежала обязанность по обслуживанию основных дорог протяженностью 484 версты, где имелось 97 мостов через ручьи, 63 моста через реки, 35 верст фашичника (настилов по болотистым местам), 14 постоянных и 27 времени перевозов [12, д. 526, л. 20 - 20 об.]. Удельным крестьянам Вологодской губернии были выделены участки на больших трактах длиной 256 верст, на которых находилось 20 верст фашичника, 167 крупных и 149 мелких мостов, а на местных дорогах (длиной 1093 версты) имелось 129 верст фашичника, 309 крупных и 334 мелких моста [Там же, д. 647, л. 21-27].

В 1830-1850-х годах дорожная повинность, по подсчетам удельных чиновников, требовала от каждой ревизской души на Севере выполнения работ на сумму не менее 1,5 рублей серебром (далее - руб. сер.) [3, д. 399; 5, д. 1245, 1728; 12, д. 647, 919, 920]. Для сравнения - в эти годы основной государственный налог, подушная подать, составлял от 0,85 до 0,95 руб. сер. [8, с. 338; 10, с. 64]. Кроме того, в упомянутых расчетах не учитывалось время, необходимое крестьянам для того, чтобы добраться из своих селений до выделенных им участков дороги. Расстояние от некоторых селений до основных дорог достигало 150-300 верст [12, д. 526, л. 20 об.].

Наряду с дорожной повинностью удельные крестьяне Севера отбывали и, так называемые, подводную и квартирную повинности. В их рамках крестьяне должны были выделять людей и подводки для разъездов чиновников различного ранга, доставки арестантов, рекрутских и воинских команд, отвоза денежной казны и других нужд (подводная повинность), нанимать квартиры в городах и центрах приказов для чинов удельного ведомства (квартирная повинность). Квартирную повинность удельные крестьяне Севера выполняли наймом, как и часть подводной повинности - содержание больших «обывательских станций» и лошадей на них [2, д. 657; 5, д. 185; 12, д. 919, 920].

В денежном выражении объем только общих земских повинностей в 1815 - 1824 гг. оценивался по Архангельской удельной конторе в размере от 1,26 до 1,60 руб. сер. в год с ревизской души, в 1833 - 1842 гг. - от 1,42 до 2,11 руб. и в 1850-х годах - около 2 руб. сер. В Вологодской конторе в 50-х годах XIX в. он оценивался примерно в 2,5 руб. сер. [2, д. 657; 3, д. 113, 399; 4, д. 413; 5, д. 1245, 1728; 6, д. 263, 354; 12, д. 526, 647, 919, 920].

Отметим, что на удельных «поселянах» Европейского Севера лежали и другие натуральные повинности - это так называемые общественные (мирские) повинности. Они включали в себя строительство и ремонт волостных и приказных домов, церквей, училищ, приходских школ; выделение сторожей и караульчиков при приказных домах, волостных правлениях, запасных хлебных магазинах и некоторые другие обязанности крестьян. Каждая из них в отдельности не была большой по объему и даже ежегодной. Но их было много и в документах они перечислялись на нескольких страницах [15].

Большим бедствием для крестьян России были неурожайные годы и связанные с ними массовые голодовки. Для их предотвращения в XVIII в. были созданы запасные хлебные магазины и с крестьян начали собирать различные натуральные и денежные взносы. Но все эти меры были малоэффективными. Ни в одном удельном имении России, например, к концу 1820-х годов не был накоплен положенный запас хлеба - по 2 четверти на душу. Крестьяне, обремененные податями и повинностями, измученные неурожаями, не могли полностью и регулярно вносить хлеб или деньги. Они имели большие недоимки по этим статьям. Признавая все это, департамент Уделов отмечал, что нужно 32 года «бездоимочного» сбора хлеба или 48 лет денежных сборов, чтобы обеспечить крестьян на один неурожайный год [11, д. 35, л. 120-122]. Поэтому 25 сентября 1827 г. Николай I подписал проект закона, разработанный названным департаментом, о введении в удельных имениях так называемой общественной запашки. Под нее отводилась часть лучшей пахотной земли крестьян из расчета 225 квадратных саженой на ревизскую душу в малоземельных и 450 саженой - в многоземельных губерниях. Северные губернии были отнесены к первой группе [15]. Заметим, что в Архангельском имении общественная запашка была введена в 1829 году. Управляющий имением опасался возмущения крестьян, которые еще осенью 1827 г. поделили пашенные угодья и часть их засеяли озимым хлебом [12, д. 678].

Феодальный принцип, расчет по душам, был основой того, что отрезка земли по отношению к земле находящейся во владении крестьян, существенно различалась по разным удельным конторам. В Симбирской удельной конторе под общественную запашку отводилось 3,6% крестьянской пашни, во Владимирской - 3,8%, в Новгородской - 5,7%, в Вологодской - 7,8% и в Архангельской - 10%. По приказам в границах удельных имений отрезка земли также различалась. В Архангельском имении она составила от 7,8 до 13% крестьянской пашни, в Вологодском - от 6,4 до 10,5% [9, д. 279, л. 65-66, д. 678, л. 9-155, д. 680, л. 217-218]. Таким образом, с 1828 г. в удельной деревне появилась еще одна натуральная повинность. Чиновники решили бороться с голодом своих крестьян за счет не только усиления их эксплуатации, но и за счет урезки крестьянской земли.

Удельные имения разбивались на особые участки, куда входило от 500 до 1000 ревизских душ. Во главе участков назначались приказчики из крестьян «доброго поведения и хорошего устройства собственного хозяйства» - в 1832 г. они переименованы в смотрителей общественной запашки. Им вменялось в обязанности наблюдать за своевременной и качественной обработкой общественных полей, следить за запасными хлебными магазинами и оброчными статьями (арендуемые крестьянами у удела участки земли). Смотрители общественной запашки освобождались от ряда денежных податей (за них платили остальные крестьяне) и от рекрутской повинности [11, д. 35, л. 121-123; 15].

Крестьяне обязаны были выполнять весь комплекс работ, связанный с обслуживанием и обработкой полей общественной запашки, используя свои орудия труда. Хлеб после обмолота ссыпался в запасные магазины, солома оставалась крестьянам. Предполагалось, что исчезнет хлебная недоимка, а магазины быстро

наполнятся хлебом. Деньги, вырученные от продажи хлеба из запасных магазинов, должны были обращаться во вспомогательный капитал и использоваться в неурожайные годы и для полезных заведений. Запашка должна была также служить примером «рачительного» ведения земледелия для крестьян.

Работы на общественных полях распределял крестьянский «мир» по так называемым приговорам, которые затем утверждались в удельных конторах. В этих приговорах расписывалось сколько, когда и что конкретно должен делать каждый крестьянин в течение года [15]. Непосредственно на запашке работы подразделялись на 3 вида: обслуживание ярового клина, озимого клина и паровых полей [6, д. 305, л. 4-5]. Кроме этого крестьяне обязаны были строить и ремонтировать запасные хлебные магазины и охранять их. Существовали и другие обязанности удельных крестьян в рамках общественной запашки. Они должны были, например, проданный купцам хлеб из запасных магазинов (в рамках обновления запасов) отвозить на расстояние до 30 верст [13, д. 1769, л. 40-42, д. 1953, л. 41-65].

Объемы работ на общественной запашке для конкретных крестьянских семей рассчитывался в Архангельской конторе по количеству земли в том или ином хозяйстве, в Вологодской - по числу ревизских душ во дворе [Там же, д. 2079, л. 111 об., д. 2088, л. 199 об.]. Действующее законодательство разрешало крестьянам нанимать людей, которые выполняли бы за них работу на общественных полях. Но для этого требовалось согласие крестьянского общества. После утверждения приговора подобная замена запрещалась. В случае отсутствия по какой-либо причине крестьянина, общество имело право само нанимать работника за счет отсутствующего [15]. Наем для работ в счет общественной запашки в удельной деревне Севера почти не применялся. С одной стороны, для этого нужны были деньги, с другой - крестьянский «мир», как правило, был против подобной практики. Так, в крестьянском приговоре 9-го смотрительского участка Устьвельского приказа Вологодской конторы от 30 декабря 1856 г. отмечается, что «не должно быть и впредь никаких сделок на передачу сих работ (на общественной запашке - П. К.) “другим лицам” и “выполнять их” только натурой» [6, д. 305, л. 4].

Н. П. Гриценко и вслед за ним Л. Р. Горланов считали, что удельные крестьяне должны были работать основную часть года на общественной запашке [1; 7, с. 328]. С этим мнением трудно согласиться. Получается, что на общественную запашку, которая на Севере занимала менее 10% тягловой пашни, крестьяне тратили больше времени, чем на обработку всей своей пашни, на сенокос, на выполнение натуральных повинностей, на промыслы и отходничество. Директор удельного земледельческого училища Байков в 1844 г. отмечал, что общественная запашка требует в год от каждого тягла (2 ревизских душ) 3 рабочих дня [13, д. 1370, л. 13 об. - 14]. На наш взгляд, эта цифра несколько преуменьшена. Исходя из расчетов управляющего Вельским имением о времени, необходимом на обработку I десятины пашни, выходит, что здесь на озимом клине общественной запашки каждая ревизская душа должна была отработать в год около 1,1 рабочего дня [Там же, д. 2518, л. 250]. Учитывая время, необходимое на обслуживание ярового и парового поля, на подвоз хлеба в запасные магазины, на их ремонт, охрану и прочие работы, получается, что каждая ревизская душа в счет общественной запашки должна была отработать не менее 3 дней в году.

Тяжесть общественной запашки для удельных крестьян Европейского Севера заключалась, главным образом, не в количестве «отработанных» дней. Ее обслуживание отнимало время, необходимое крестьянам для возделывания собственной пашни. На Севере из-за короткого лета во время посева и сбора хлеба был дорог каждый час. Любая задержка с посевом была чревата тяжелыми последствиями. Ведь поздние всходы были очень подвержены заморозкам и засухе, да хлеб из-за поздних посевов не успевал созреть. При задержке уборки хлеб мог быть заморожен или даже завален снегом. Следует отметить, что работы на общественной запашке определенным образом привязывали крестьян к своим селениям, что, в свою очередь, мешало отходничеству и занятию некоторыми промыслами. Общественная запашка была отменена с 1862 г. накануне реформы удельной деревни [Там же, д. 2518, 2545].

Размеры основных натуральных повинностей в казенной и удельной деревне Севера примерно совпадали, так как назначались пропорционально числу ревизских душ для всех категорий крестьян. Разумеется, абсолютного совпадения не существовало, особенно в размерах мирских повинностей [8, с. 343-348; 9]. Однако в удельной деревне была такая специфическая повинность как общественная запашка, которой не было у государственных крестьян. Они вносили натуральные взносы или выплачивали деньги, что было легче, чем работать на общественной запашке. С другой стороны, в казенной деревне шире использовался и наем. Удел же стремился свести на нет замену натуральных повинностей денежными сборами, то есть наймом (за исключением рекрутской повинности).

Итак, существенной частью эксплуатации удельных крестьян Европейского Севера России являлись натуральные повинности. Их общий размер можно оценить примерно в 4 руб. сер. в год с ревизской души, что было сопоставимо с суммой основных денежных налогов - подушной подати и удельного оброка. Однако натуральные повинности были менее регламентированы, отрывали рабочие руки от хозяйства, нередко тогда, когда в них была острая потребность для успешного выращивания собственного урожая или своевременного и эффективного занятия промыслами. Объемы натуральных повинностей в течение времени имели тенденцию к увеличению, всё более усиливая сложности для удельных крестьян по развитию земледелия, промыслов и отходничества. Это не позволяло поднять доходность крестьянских хозяйств, что, в свою очередь, явилось одной из причин осознания необходимости отмены крепостнических порядков и для удельной деревни.

Список литературы

1. Горланов Л. Р. Землевладение и феодальные повинности удельных крестьян в Нечерноземной полосе России (1797-1863 гг.) // Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян Нечерноземной полосы (XVI - первая половина XIX вв.). Смоленск, 1982. С. 94-124.
2. Государственный архив Архангельской области. Ф. 1. Оп. 3.
3. Там же. Оп. 4.
4. Там же. Ф. 925. Оп. 2.
5. Государственный архив Вологодской области. Ф. 18. Оп. 1.
6. Там же. Ф. 740. Оп. 5.
7. Грищенко Н. П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья: очерки. Грозный, 1959. 586 с.
8. История Коми с древнейших времен до конца XIX века. Сыктывкар, 2004. Т. 1. 560 с.
9. Котов П. П. Повинности государственных крестьян Европейского Севера России в конце XVIII - первой половине XIX в. // Социально-демографические аспекты истории северного крестьянства (XVI - XIX вв.). Сыктывкар, 1986. С. 74-86.
10. Котов П. П. Удельные крестьяне Севера. 1797-1863 гг.: учебное пособие по спецкурсу. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1991. 80 с.
11. Российский государственный исторический архив. Ф. 515. Оп. 1.
12. Там же. Оп. 9.
13. Там же. Оп. 12.
14. Там же. Оп. 15.
15. Свод удельных постановлений. СПб., 1843. Ч. 3.

PAID IN KIND DUTIES OF APPANAGE PEASANTS OF EUROPEAN RUSSIAN NORTH

Petr Pavlovich Kotov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Russian History, Ethnography and Archeology
Syktvykar State University
kotovpetr55@mail.ru

The author reveals the role of paid in kind duties in the life of appanage peasants of European Russian North, pays special attention to the structure of these duties, the estimation of their amount and burden and shows the technology of work assignment and peasant community role in their realization.

Key words and phrases: appanage peasants; paid in kind duties; duties structure; road duty; social ploughing; amount and estimation of work.

УДК 94(470.40/43):021

В статье рассматриваются факторы развития библиотечной сети в губерниях Среднего Поволжья во второй половине XIX - начале XX века в контексте социокультурных запросов народа. Проанализированы динамика роста потребности низших слоев населения в чтении, доступность библиотек, просветительская деятельность земств, крестьянских обществ и других общественных структур, способы распространения литературы и периодики среди низших слоев населения, цензурная политика учебного ведомства и Святейшего Синода.

Ключевые слова и фразы: социокультурные запросы; библиотеки; земства; крестьянство; библиотекари; лубочная литература; книгоноши; цензура; периодика; церковно-приходские школы; народные чтения.

Ольга Владимировна Кошина, к.и.н., доцент
Кафедра истории отечества
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
koshinaolga@rambler.ru

РАЗВИТИЕ БИБЛИОТЕЧНОЙ СЕТИ В СРЕДНЕВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЯХ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ЗАПРОСЫ НАРОДА©

В сегодняшней ситуации складывания глобального информационного общества традиционная библиотека с печатной литературой как проводник знаний и культуры уступает место другим многочисленным источникам и способам распространения информации. Во второй половине XIX - начале XX века в период становления индустриального общества в России книга и библиотечная сеть наряду с начальной школой являлись главными средствами распространения необходимых знаний в народной среде. Успех просветительских усилий учебного ведомства, земств, Святейшего Синода, миссионерских и других общественных структур во многом зависел от того, насколько мероприятия по развитию библиотек и распространению книг соотносились с социокультурными запросами и возможностями низших слоев населения.